

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЧЕЧЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кавказский мир: проблемы образования, языка, литературы, истории и религии

*Материалы Международной научно-практической конференции,
посвященной 80-летию ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»
Грозный, 25-26 сентября 2018 года*

Махачкала 2018

УДК 3; 009; 80/81; 93/94
ББК 94+63+80/84
К-12

Главный редактор: Саидов З.А.

Ответственный редактор: Нахаев М.Р.

Редакционный совет: Гапуров Ш.А., Овхадов М.Р., Магамадов С.С., Хусиханов А.М., Осмаев А.Д., Цуцулаева С.С., Товсултанов Р.А., Манаев М.А., Сельмурзаева Х.Р., Алгаев А.Н.

К-12 «Кавказский мир: проблемы образования, языка, литературы, истории и религии» (Грозный, 2018). Международная научно-практическая конференция «Кавказский мир: проблемы образования, языка, литературы, истории и религии», посвященная 80-летию Чеченского государственного университета, 25-26 сентября 2018 г., г. Грозный [Текст]: Материалы /отв. ред. М.Р. Нахаев. Грозный: ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет». – Махачкала: АЛЕФ, 2018. – 660 с.

ISBN 978-5-00128-109-2

В сборник включены материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Чеченского государственного университета. Представлены доклады и сообщения ученых Азербайджана, Белоруссии, Израиля, Казахстана, Польши, Турции, а также Северного Кавказа, Москвы, Санкт-Петербурга, Калмыкии, Краснодар, Оренбурга, Ростова-на-Дону и др. Доклады охватывают широкую тематику научных проблем по истории, лингвистике, литературоведению, психологии и педагогике и могут представлять интерес для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов, а также всех, кто интересуется историей и филологией.

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет» не несет ответственность за материалы, представленные авторами для очного и заочного участия в Конференции.

ISBN 978-5-00128-109-2

© Авторы, 2018
© ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет», 2018
© Издательство «АЛЕФ», 2018

- юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2015. № 6 (56).
19. Лерх И.Я. Выписки из путешествия Иоанна Лерха, продолжавшегося от 1733 по 1735 год из Москвы до Астрахани, а оттуда по странам, лежащим на западном берегу Каспийского моря // Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1790Ч. Ч. 43.
 20. Магомаев В.Х., Кидирниязов Д.С. Ногайцы в северокавказском историческом процессе в XVI – начале XX в. Грозный, 2017.
 21. Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX в. Махачкала, 1957.
 22. Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. М., 1966.
 23. Мустафазаде Т.Т. Кубинское ханство. Баку, 2005.
 24. Потто В.А. Два века Терского казачества. Владикавказ, 1912. Т. 2.
 25. РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 108.
 26. РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 242.
 27. Сб. РИО. СПб., 1896. Т. 96.
 28. Силахшор – генеральный инспектор османской армии.
 29. Соловьев С.М. История России. Кн. 11. Т. 22. М., 1993.
 30. Сотавов Н.А. Крах «Грозы Вселенной». Махачкала, 2000.
 31. Сотавов Н.А. Северный Кавказ в кавказской политике России, Ирана и Турции в первой половине XVIII в. Махачкала, 1989.
 32. Сотавов Н.В. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М., 1991.
 33. Тамай А.И. К вопросу о провале дагестанской кампании шаха Надира (1741–1743 гг.) // Уч. записки ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР. Махачкала, 1958. Т. 5.
 34. Трехбунчужный паша – высший титул в Порте, равный званию первого визиря.
 35. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 14.
 36. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 3.
 37. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 500.
 38. Юдин А.П. Россия и Персия в конце 1742 г. Из писем переводчика В. Братищева канцлеру, князю А. Черкасскому // Русский архив. М., 1889. Кн. 1. Ч. 3.

УДК 327(470+571:479):930.2(470+571)

ИСТОРИЯ РОССИЙСКО-СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – НАЧАЛА XIX в.

HISTORY OF RUSSIAN-NORTH CAUCASIAN RELATIONS IN THE STUDIES OF THE SECOND HALF OF THE XVIII – THE BEGINNING OF THE XIX CENTURY

А.Н. Максимчик,

*доцент кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени
исторического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат исторических наук*

A.N. Maksimchik

*associate professor at the department of Modern and Contemporary history of Belarus, faculty
of history Belarusian State University, PhD (history); associate professor*

*Статья посвящена истории становления российского кавказоведения и
анализу интерпретаций истории российско-кавказских отношений в XVIII
– начале XIX вв. Автором определяются причины интереса России к севе-*

рокавказскому региону, обозначаются этапы в изучении народов Северного Кавказа, на выделение которых значительное влияние оказала внешнеполитическая активность России. Обращается внимание на специфику восприятия принятия российского подданства горцами. На примере различных исторических и историографических источников автор стремился показать, что в рассматриваемый период времени о Северном Кавказе предпочитали писать как о регионе, вошедшем в сферу внешнеполитического влияния России, но не как о его составной части.

Ключевые слова: Северный Кавказ, историография, кавказоведение, российско-кавказские отношения, принятие российского подданства.

The article is devoted to the history of the formation of the Russian Caucasus studies and analysis of the interpretations of the history of Russian-Caucasian relations in the 18th and early 19th centuries. The author determines the reasons for Russia's interest in the North Caucasus region, marks the stages in the study of the nation of the North Caucasus, which were significantly influenced by Russia's foreign policy activity. Attention is drawn to the specifics of the perception of the acceptance of Russian patriality by the highlanders. On the example of various historical and historiographical sources, the author sought to show that in the period under consideration the North Caucasus was preferable to write as a region that was included in the sphere of Russia's foreign policy influence, but not as an integral part of it.

Key words: The North Caucasus, historiography, Caucasian studies, Russian-Caucasian relations, acceptance of Russian patriality

Процесс накопления исторических сведений о Кавказе имеет свою длительную историю, которая тесно связана с динамикой политических, социально-экономических и культурных взаимоотношений Российского государства с населяющими его народами. В этой связи появление первых описаний Кавказского региона было детерминировано общим ходом развития двусторонних отношений, на платформе которых вырабатывались исследовательские программы для нарождавшейся комплексной дисциплины – кавказоведения.

В XVI в. цивилизационно-культурное взаимодействие между Московским государством и народами Кавказа, уходящее своими корнями в X в., получает качественно новый импульс. Регион постепенно начал превращаться в динамично развивающуюся «контактную зону» не только в двустороннем формате «Россия–Кавказ», но и оказался объектом противоборства внутри геополитического треугольника «Россия–Турция–Иран». В это время отмечены первые шаги, направленные на укрепление военного присутствия России в регионе (основание в 1558 г. в устье реки Терек крепости Терки), наблюдается встречная динамика в сближении Москвы и потестарных образований Северного Кавказа посредством подписания присяг и заключения династических браков, отражавших двусторонние интересы. Так, одними из первых, дошедших до настоящего времени обращений горцев в российское подданство, являются грамоты и шерстные записи за 1588 г. на верность Кабардинской земли Московскому государству и службе Аварского хана России [6, с. 305]. Из текстов многих сохранившихся документов видно, что кавказские «дела», продолжительное время носившие эпизодический характер во внешнеполитических акциях Москвы, включаются в стройную систему ее государственных интересов. Именно в это время в большой царский титул московских государей вписывается формула «...кабардинские земли черкасских и горских князей» [7, с. 249–250], демонстрировавшие геополитические устремления и ориентиры растущего государства. При этом, как верно отметил известный историк М.А. Полиевктов, «"Подданство" Москве ... не идет до поры до времени дальше неустойчивых вассальных и перманентных – союзнических отношений, не сопровождается административным и военным внедрением Москвы в местную жизнь» [17, л. 23].

На смену летописным записям в XV–XVII вв. разноплановая информация о Кавказе начинает встречаться в записках российских путешественников, купцов и послов (А. Никитин, Ф. А. Котов, В. Я. Гагара, Ф. Елчин и П. Захаров, Е. Мышецкий и И. Ключарев, Н. Толочанов и

А. Ивлев) [10; 14; 15]. Собранные ими сведения по истории и этнографии, экономике и торговле, обычаям и нравам горских жителей региона длительное время оставались несистематизированными и малодоступными для широкого круга людей. На определенное представление о Кавказском регионе и его народах в XVII в. указывал объяснительный текст к несохранившейся карте Московского государства «Книге Большому чертежу» (1627 г.). В нем упоминалось о пятигорских черкесах, Кабарде, окохах, мичкизах [9]. Известный историк российско-кавказских отношений С. М. Броневский по этому поводу отмечал, что «с половины семнадцатого столетия до наших времен (начала XIX в. – *авт.*) многие любопытствующие путешественники и ученые мужи возложили на себя труд, с различным успехом исполненный, доставить Европе основательные сведения о политическом и гражданском состоянии тамошних народов, ровно как о физических качествах страны, примечательным положением своим между Европой и Азией» [2, с. 23]. Главным недостатком этих сведений, несмотря на представленную в них ценную информацию, являлся фрагментарный и эпизодический характер сбора информации, отсутствие четко выработанной программы изучения региона.

Новым этапом в исследовании Кавказа, ознаменовавшим начало систематического и несравненно более интенсивного изучения региона, стал XVIII в., где важнейшая роль в его организации принадлежала российскому царю (с 1721 г. императору) Петру I и созданной им Академии Наук [10, с. 274; 13, с. 468; 18, с. 162; 19, с. 19]. Главной своей целью Императорская академия поставила всестороннее комплексное изучение различных регионов империи, в том числе и Кавказа. Такой подход во многом был связан с необходимостью удовлетворения внутривнутриполитических потребностей усиливающегося и расширяющего свои границы Российского государства, поиску ресурсов, обеспечивающих его динамичный рост. Разрешение этого вопроса шло параллельно с активизацией внешней политики, которая чутко реагировала на сигналы внутривнутриполитических механизмов, обеспечивая их слаженную работу. В сложившихся условиях проблематика кавказоведческих изысканий в России изначально опиралась на нужды и потребности правительственных кругов и носила инструментальный характер, т.е. научно обеспечивала планы правительства по реализации расширения Российской империи на Восток.

Персидский поход Петра I (1722–1723 гг.), как первая масштабная попытка реализации имперских задач своей внешней политике на Востоке, дал старт новому этапу проведения научных описаний. За время пребывания российских войск на берегах Каспийского моря (1722–1735 гг.) кавказоведение обогатилось целым рядом историко-этнографических исследований Северо-Восточного Кавказа (Г. Шобер, И. Г. Гербер, Я. А. Маркович, И. Я. Лерх и др.).

Осведомленность российских властей о Кавказе и его населении в должной мере отражал первый официальный атлас Российской империи, изданный в 1745 г. На карте «Положение мест между Черным и Каспийским морями, представляющее Кубань, Грузинскую землю и остальную часть реки Волги с ее устьями» (карта № 11) [1, с. 6], составленной по данным Географического департамента были отмечены места компактного проживания ряда северокавказских народов: атукайчы (хатукайцев), черкасыяны (черкесов), темиргойцев (темиргоевцев), абазинцев, андреевцев и т.д. На «Генеральной карте» того же атласа хорошо видно, что эти народы «вынесены» за черту государственных границ России. В новой редакции «Атласа» (1792 г.), на карте Кавказского наместничества [16] четко видно, что граница государства проходила по сооруженной Азово-Моздокской укрепленной линии [22, с. 11].

Новый подъем научных исследований на Кавказе пришелся на правление Екатерины II (1762–1796), «реанимировавшей» кавказский вектор внешней политики, который после смерти Петра I находился за «кулисами» большой политики. Начало строительства цепи российских укреплений в регионе (Кавказской линии), подписание Георгиевского трактата (1783 г.), учреждение Кавказского наместничества (1785 г.), российско-турецкие войны (1768–1774 и 1787–1791), Персидский поход В. А. Зубова 1796–1797 гг. актуализировали для властей необходимость в изучении Кавказа как региона, обладавшего стратегически важным значением.

В 1768 г. под руководством Императорской академии наук в рамках «академической» экспедиции были организованы и совершены поездки в различные уголки Кавказа (С.-Г. Гмелин, И.-А. Гильденштедт), имевшие своей целью сбор разностороннего географического, этнографического и лингвистического материала об этом регионе и его народах. Уже упоминавшийся М. А. Полиевктов подчеркивал, что эту экспедицию «необходимо тесно увязывать с

кардинальными явлениями русской социально-экономической и политической жизни второй половины XVIII в. и с завоевательной политикой русского царизма в это время, в частности – с его наступлением на Кавказ» [17, л. 13].

С 1770 по 1773 гг. на Северном Кавказе работал естествоиспытатель академик Иоганн-Антон Гильденштедт, который интересовался природными богатствами определенных территорий (район Кизляра, Кабарда, Осетия) и дал оценку перспективам их экономического освоения. Любознательность, широта кругозора и личная заинтересованность автора позволили поместить ему в своем труде и ряд исторических заметок, которые затрагивали вопросы российско-северокавказских отношений. Важно подчеркнуть, что уже в этих заметках просматривается неоднозначный характер правовых норм, сложившихся в рамках двусторонних отношений между русским и местным населением. Посетив чеченскую деревню Истису (совр. Мелчхи), он подчеркивал следующее: «Сейчас этот народ, правда, [изъясняяся] в верноподданнических [чувствах] России, но сопровождавший меня барагунский князь Кулшук так мало верил в заключение ими мира, что отсоветовал не только что переночевать, но и даже заходить в дом» [4, с. 42]. В разделе «К политической географии и народоведению Кавказских гор» исследователь отмечал, что «вообще страна признает (провинция Черкесия), особенно Кабарда, русское владычество, и князья приносят клятву верности, <...> все же они чрезвычайно переменчивы и требуют время от времени военных наказаний» [4, с. 228–229]. В работе Иоганна Гильденштедта также встречаются примеры стимулирования российской стороной лояльности к себе горцев. Описывая деревню Костек, которая принадлежала князю Хамурзе, ученый в своем дневнике записал: «Он присягнул на верность русской короне и проявил большую преданность. Поэтому он получил ранг капитана и ежегодную пенсию в сто рублей. За это он обязан конвоировать русских курьеров до Тарку и Андреевой, обращать внимание на все предприятия тавлинцев и вообще на все, что касается безопасности границ, и сообщать об этом кизлярскому коменданту» [4, с. 40]. Описанные выше примеры двусторонних отношений будут неоднократно встречаться в документах и исследованиях более позднего времени.

На основании материалов И.-А. Гильденштедта, в 1799 г. вышло в свет сочинение академика Иоганна-Готлиба Георги [3]. В разделах, касающихся характеристики ряда северокавказских народов, автор частично затрагивал вопрос о степени их подчиненности России. Так, говоря о покровительстве осетин России, черкесах, которые чинят России присягу и дают аманатов, он писал: «...живут [они] в полной свободе по своим собственным законам и не платят никакой подати» [3, с. 171]. В такой же манере автором были охарактеризованы чеченцы и ингуши [3, с. 174]. Ф. Шинкевич, говоря о специфике и эффективности принятия присяги на верность Российским государям, писал следующее: «Черкесов обвиняют в клятвopеступлении и вероломстве. Но – говорят – свойство сие примечено в них с недавнего времени. Какое ни было бы их первоначальное исповедание, они переменнo обращаемы были то в христианство, то в магометанство. Ныне у кабардинцев нет никакого вероисповедания. Они без зазору преступают все присяги, учиненные как по библии, так и по алкарану, однако есть некоторые формы присяг, коим они не изменяют, коль скоро дадут оные возле некоторых развалин почитаемых ими остатков древних церквей» [23, с. 23].

Подобного рода заметки по истории выстраивания контактов между Москвой и кавказскими владетелями были свойственны и для исторических исследований XVIII – начала XIX в. В первую очередь это сведения о посольствах северокавказских горцев в Москву. Так, в труде «Ядро российской истории» А. И. Манкиева упоминалось о вступлении в 1554 г. пятигорских черкес под «покровительство» Московского государства [12, с. 194]. Историк В. Н. Татищев, говоря о кабардинском посольстве в Москву 1557 г., писал о «добровольной русской протекции», но при этом подчеркивал: «и содержатся для верности от них аманаты» [21, ч. 3. с. 205]. Из приведенных сведений просматривается, что горские посольства трактовались не как обращения к царю с целью включения территории в состав его владений, а с просьбой о защите, поручительстве и поддержке царя в случае внешней угрозы. Об этом в начале XIX в. писал придворный историограф Н. М. Карамзин, считавший главным импульсом в процессе сближения горцев с Москвой в XVI в. внешний фактор – угрозу со стороны Крымского ханства [8, с. 58]. Косвенным подтверждением сказанного являться информация, содержащаяся

в толковых словарях XIX в., где в качестве синонимов понятия «покровительство» выступали слова «заступление», «защита», «заступничество» [5, с. 228; 20, с. 309].

Наличие материала об истории двусторонних отношений характерно и для энциклопедий и словарей, которые стали появляться в России во второй половине XVIII в. Из статьи «Дагистан» «Лексикона» В. Н. Татищева видно, что Московское влияние не распространялось на дагестанских владельцев, поскольку народы эти «подданные персикские, но нередко Персию для грабления навешают» [21, ч. 2. с. 62]. В отличие от дагестанцев, в Географическом словаре Л. М. Максимовича отмечалось, что кабардинцы «признавали над собой верховную власть России» [11, с. 105].

В целом, к началу XIX в. изучение вопросов российско-кавказских отношений XVI–XVIII в., не говоря об аспектах проблемы присоединения региона к России, находилось еще в зачаточном состоянии. Однако не следует сбрасывать со счетов материал, собранный путешественниками, дипломатами, этнографами и историками, который в последующем будет положен в основу фактологической картины российско-сеveroкавказских отношений. Они значительно дополнили и расширили существовавшие ранее представления о сложном этническом составе населения Кавказа, познакомили российское общество с расселением отдельных народов, их занятиями, орудиями труда, одеждами, общественным строем, религией и т.д. Исследователи XVIII в. наметили контур проблемы, раскрывавшей особенности правосознания горцев, т.е. восприятия российских правовых норм, декларирующих права и обязанности в рамках двусторонних отношений. По этой причине, кавказоведы XVIII в. предпочитали писать о Северном Кавказе как о регионе, вошедшем в сферу внешнеполитического влияния России, но не как о его составной части.

Литература:

1. Атлас российской, состоящей из девятнадцати специальных карт представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями, сочиненной по правилам географическим и новейшим наблюдениям, с приложенною притом генеральною картою великия сея Империи / Старанием и трудами Имп. Академии наук. – СПб: Тип. Академии наук, 1745. – 20 л.
2. Броневский С. М. Новейшие Известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским: в 2-х т. / Подгот. текста к изд., предисл., примечания, словарь малоупотреб. слов, указатели И. К. Павловой. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. – 459 с.
3. Георги И.-Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей / И.-Г. Георги; предисл. и прим. В. А. Дмитриева. – Перепеч. с изд. 1799 г. с испр. и доп.; изд. 2-е. – СПб.: Русская симфония, 2007. – 808 с.
4. Гильденштедт И. А. Путешествие по Кавказу в 1770–1774 гг. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. – 505 с.
5. Даль В. И. Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 348 с.
6. Документальная история образования многонационального государства Российского: В 4-х кн. Кн. 1: Россия и Северный Кавказ в XVI–XIX веках. Под общ. ред. Г. Л. Бондаревского, Г.Н. Колбая. – М.: Норма: АО «Merissa trading and development», 1998. – 723 с.
7. Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российские касающихся, изданная Николаем Новиковым, Членом Вольного Российского Собрания при Императорском Московском университете. Изд. второе. – М., 1791. – Ч. XVI. – С. 246–251.
8. Карамзин Н. М. История государства Российского: в 6-ти кн. (в 12 авт. томах Н. М. Карамзина, по 2 тома в одной книге). – М.: Книжный сад, 1993. – Кн. 4. (т. VII–VIII). – 303 с.

9. Книга, глаголемая Большой чертеж, изданная по поручению Имп. Общества истории и древностей российских действительным членом Общества Г. И. Спасским. – М.: Унив. тип., 1846. – 327 с.
10. Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. – 1955. – Т. 26. – С. 265–374.
11. Максимович Л. М. Новый и полный географический словарь Российского государства, или Лексикон...: В 2-х частях. – М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1788. – Ч. II. – 364 с.
12. Манкиев А. И. Ядро российской истории, сочиненное ближним стольником и бывшим в Швеции резидентом, князь Андреем Яковлевичем Хилковым, в пользу российского юношества, и для всех о российской истории краткое понятие иметь желающих в печать изданное, с предисловием и о сочинителе сей книги и о фамилии князей Хилковых. – М.: Имп. Моск. ун-т., 1770. – 416 с.
13. Орбели Р. Р. Кавказоведение // Азиатский музей – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР / [Редкол.: А. П. Базиянц и др.]. – М.: Наука, 1972. – С. 468–499.
14. Полиевктов М. А. Европейские путешественники XIII–XVIII вв. по Кавказу. – Тифлис: Сахнлгами, 1935. – 223 с.
15. Полиевктов М. А. Экономические и политические разведки Московского государства XVII в. на Кавказе. – Тифлис: Изд. НИИ кавказоведения АН СССР, 1932. – 54 с.
16. Российский атлас, из сорока четырех карт состоящий и на сорок два наместничества империю разделяющий СПб.: Сочин: гравир. и печат. при Горном училище, 1792. – 6 с., 44 л.
17. Рукопись М. А. Полиевктова «Россия и Кавказ, как проблема истории русской внешней политики» // Центральный государственный исторический архив Грузии. – Ф. 1505. – Оп. 1. – Д. 12.
18. Савельев А. Е. Народы Кавказа в русской историографии X – начала XIX в. // Вопросы истории. – 2008. – № 4. – С. 161–166.
19. Северный Кавказ в составе Российской империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 460 с.
20. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии Наук. – СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1847. – Т. III. – 488 с.
21. Татищев В. Н. Лексикон российский исторический, географический, политический и гражданский: в 3 ч. Репринт. – СПб.: Альфарет, 2008. – Ч. 2. – 216 с.; Ч. 3. – 217 с.
22. Цуциев А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). – М.: «Европа», 2006. – 128 с.
23. Шишкевич Ф. Историографические записки о странах, лежащих между морями Черным и Каспийским, содержащие новейшие подробные описания живущих в оных народов, и достопамятности древнего и нынешнего тех земель местоописания / Пер. с фр. яз. – СПб.: Тип. Шнора, 1810. – 121 с.